

Однажды бабушка Касперля в полдень стояла около печи на кухне и поджаривала сардельки. Рядом со сковородой на огне стоял большой горшок с кислой капустой. Кислая капуста тушилась, сардельки шипели на сковороде, и весь дом был наполнен неопишимо прекрасным ароматом. Всякий мог бы заключить, что сегодня четверг; потому что по четвергам бабушка всегда готовила сардельки с кислой капустой.

Жареные сардельки с кислой капустой — это была любимая еда Касперля и Сеппеля. Если бы это зависело от них, неделя бы состояла из семи четвергов — или, ещё лучше, из четырнадцати четвергов. Поэтому по четвергам они всегда особенно пунктуально являлись к обеду домой.

Тем более было странно, что они именно сегодня опаздывали.

«Где же они болтаются? — думала бабушка, — сейчас уже три минуты первого. Надеюсь, с ними ничего не случилось».

Бабушка убрала с огня сковородку и горшок с капустой. Потом она немного приподняла крышку с горшка. Тут же её окутало большое облако пара. От этого стёкла её пенсне так сильно запотели, что она почти ничего не видела. Она быстро сняла пенсне с носа, чтобы протереть его кончиком фартука, — и вдруг она услышала шаги, ступавшие по садовой дорожке, тяжёлые, торопливые шаги, непохожие на шаги Касперля и Сеппеля. Дверь в кухню распахнулась настежь, и кто-то вошёл.

— Но, но! — сказала бабушка Касперля. — Спокойнее, господин обер-вахмистр! Могли бы и постучать, прежде чем входить!

Без своего пенсне бабушка видела всё очень туманно. Но, насколько она видела, человек, который с шумом ввалился к ней на кухню, был одет в голубой мундир с серебряными пуговицами и красным воротником. Ещё она увидела каску и саблю — и поняла, что это господин обер-вахмистр полиции Алоис Димпфельмозер — единственный человек в этом городишке, который носил голубой мундир с серебряными пуговицами и красным воротником.

— Здесь чертовски хороший аромат! — сказал человек с красным воротником.

Голос показался бабушке знакомым, но это не был голос господина Димпфельмозера. «Кто бы это

мог быть?» — размышляла она. Бабушка задумалась и совсем забыла протереть и снова надеть пенсне.

Тем временем человек с красным воротником подошёл к печи и увидел сковороду с жареными сардельками.

— Жареные сардельки с кислой капустой! — сказал он восторженно. — Четырнадцать дней сплошь вода и хлеб, — а теперь жареные сардельки! — Потом он повернулся к бабушке и угрожающе поднял саблю. — Быстро! — крикнул он. — Давай сюда сардельки с капустой, я голоден и очень спешу!

Бабушка Касперля возмутилась:

— Но позвольте, господин обер-вахмистр, это, должно быть, шутка?

Незнакомец грубо прервал её:

— Не валяйте дурака, бабушка, или вы не понимаете, кто перед вами? Наденьте пенсне, и побыстрее!

— Конечно, конечно! — Бабушка протёрла пенсне и надела его. Мгновенно она побелела как полотно. — Ах, боже мой, это вы? Я думала, вы уже четырнадцать дней сидите в пожарном депо под арестом!

— Там я уже насиделся, бабушка!

— А как вы добыли униформу и саблю? Что будет, если об этом узнает господин обер-вахмистр Димпфельмозер?!

Человек в полицейской каске рассмеялся и молвил:

— Он всё знает. Но быстрее давайте сюда жареные сардельки с кислой капустой, или я за себя не ручаюсь, я же разбойник Хотценплотц!

Бабушка Касперля бросила взгляд на часы, было восемь минут первого. Где же пропадают Касперль и Сеппель? Она взяла из шкафа для посуды тарелку и положила на неё одну сардельку и ложку капусты.

— Одна сарделька?! — Разбойник ударил кулаком по столу. — Вы, наверное, не в своём уме? Я хочу все сардельки и всю капусту, какая есть в горшке. Понятно?

Что бабушке оставалось делать? Она положила на тарелку все сардельки и поставила на стол горшок с капустой.

— Так! — вскричал Хотценплотц и потребовал, чтобы бабушка присела за стол рядом. — Чтобы вы не вздумали ничего предпринять. Приятного аппетита!

Бабушка сидела на стуле и смотрела, как разбойник набросился на жареные сардельки. Их было девять штук, как и всегда по четвергам. Хотценплотц поглощал их целиком, а кислую капусту он ел прямо из горшка. При этом он сильно пачкал скатерть, но на это ему было наплевать.

— О, это было очень вкусно! — буркнул он, когда проглотил капусту и сардельки. — Мне это чертовски понравилось, бабушка! А теперь, будьте добры, послушайте меня внимательно. На часах четверть

первого. Вы должны десять минут сидеть здесь тихо как мышка. Через десять минут вы можете позвать на помощь, — но ни минутой раньше. Вы меня поняли?

Бабушка ничего не ответила.

— Эй, вы! — крикнул разбойник Хотценплотц. — Вы вообще меня слушали? Почему вы молчите?

Бабушка не могла ничего сказать. Она сидела на стуле неподвижно. Как раз в то мгновение, когда Хотценплотц проглотил последнюю сардельку, она потеряла сознание — частично от злости и частично от страха.

Касперль и его друг Сеппель были на рыбалке на городской речушке, но ничего не поймали, кроме старой метлы и пустой бутылки из-под уксуса. Метлу они бросили обратно в воду, а бутылку оставили.

— Ибо, — сказал Касперль, — из этого мы сможем сделать бутылочную почту, если она нам понадобится.

Как и всегда по четвергам, они бы и сегодня точно успели к обеду, если бы в пути с ними не случилось необычайной истории.

Когда они проходили через базарную площадь, они услышали глухой крик, раздававшийся из пожарного депо.

— Вот ещё! — сказал Касперль. — Видимо, у Хотценплотца какие-то неприятности. Послушай только, как он ругается и кричит!

— Он не ругается, — возразил Сеппель, — он зовёт на помощь. Быть может, у него болит зуб или болит живот.

С тех пор, как приключилась история с бабушкиной кофемолкой, Касперль был очень плохого мнения о разбойнике Хотценплотце.

— Надеюсь, у него болит живот и болят зубы, — сказал он, — а кроме того ещё и мозоли на ногах! — Тем не менее Касперль побежал за Сеппелем к пожарному депо, чтобы посмотреть, что случилось.

В здании пожарного депо было всего одно окошко, которое, разумеется, было зарешечено.

— На помощь! — кричал голос. — Помогите, меня здесь заперли! Откройте дверь, выпустите меня отсюда!

Касперль и Сеппель засмеялись.

— Это как раз для вас! — закричали они. — Мы очень рады, что вы наконец-то пойманы, господин Хотценплотц!

Две недели назад они помогли поймать разбойника. За это от господина бургомистра они получили вознаграждение в размере пятисот пятидесяти пяти марок, а унтер-офицер Димпфельмозер стал с тех пор обер-вахмистром.

— Выпустите меня! — кричал голос. — Я не разбойник Хотценплотц!

— О да! — прервал его Касперль. — Мы точно знаем, что вы Красная Шапочка и семь гномов!

— Нет, чёрт возьми! Я — обер-вахмистр Димпфельмозер!

— Прекратите кричать, — сказал Касперль, — а то придёт полиция.

— Вздор! Полиция — это я! Разве вы не узнаете меня по голосу? Выпустите меня отсюда, я — должностное лицо!

Касперль и Сеппель не поверили ни одному слову. Для них вопрос был ясен. Хотценплотц хотел их обмануть, но они не дадут ему этого сделать.

— Если вы действительно господин Димпфельмозер, — сказал Касперль, — подойдите к окну, чтобы мы смогли вас увидеть!

— Так не получится. Я лежу на полу связанный. Если вы тотчас же не выпустите меня отсюда, вы будете впоследствии оштрафованы. Вы меня поняли?

Как всегда, Касперль и Сеппель не растерялись. Сеппель встал около стены, Касперль влез к нему на плечи и заглянул в зарешеченное окно.

— Итак, покажитесь, где вы находитесь?

— Я лежу здесь внизу, за пожарной машиной. Ты меня видишь?

— Нет, — сказал Касперль, — для этого машина должна была бы быть из стекла. Не думайте, что кто-нибудь поверит вашему глупому вранью!

— Но это не ложь! Это чистая, должностная, полицейски подтверждённая правда! Я прошу вас поверить мне и выпустить меня! Что же я должен сделать, чтобы вы мне поверили?

Касперль и Сеппель с удовольствием послушали бы его ещё немного. Но часы на башне ратуши пробили четверть первого, и вдруг они вспомнили, что сегодня четверг.

— Хныкайте спокойно дальше! — крикнул Касперль в зарешеченное окно. — Мы вместе с моим другом Сеппелем должны идти на обед, господин обер-шмахтмистр Плотценхотц — или вы думаете, что из-за вас мы пропустим жареные сардельки?

Сначала у Касперля и Сеппеля создалось впечатление, что бабушка сильно обиделась на них за то, что они так поздно пришли домой. Она неподвижно сидела за кухонным столом и, казалось, смотрела на них с осуждением.

— Бабушка! — сказал Касперль. — Пожалуйста, прости нас, — мы задержались не по своей вине!

Только теперь он заметил, что с бабушкой что-то случилось.

— Ах, бог ты мой! Я вижу, она опять в обмороке!

Сеппель показал на пустую сковородку и на пустой горшок из-под капусты.

— Быть может, она разозлилась, что мы вовремя не поспели к обеду, — сказал он. — Тогда от злости она всё съела одна, и тут ей стало плохо.

— Может быть, — ответил Касперль. — Девять жареных сарделек и целый горшок кислой капусты — чуть многовато для неё.